

Владимир Иванович Даль

Денщик

Владимир Иванович Даль

Денщик

(Физиологический очерк)

Говорят, в каждом человеке есть сходство с тем или другим животным – по наружности, по приемам, собственно по лицу или даже по свойствам и качествам. Единственный в своем роде Гранвиль неподражаемо умел схватывать сходство и отношения эти и переносить их карандашом на бумагу. Если бы у меня многотрудное умение или искусство не отставало от вольного в разгуле и дешевого воображения, то я бы, кажется, мастерски нарисовал денщика Якова Торцеголового в виде небывалого, невиданного чудовища, составленного из пяти животных: одного недостаточно, потому что достоинства Якова слишком разнообразны. *Верблюд*, сутулый, неповоротливый, молчаливый, – а подчас несносно крикливый – и притом безответный работник до последнего издыхания; *волк*, с неуклюжею, но иногда смешною хитростью и жадностью своею, дерзкий и неутомимый во время голода; *пес*, полазчивый, верный, который лает на все, что только увидит вне конуры своей; *хомяк*, домовитый хозяин, с запасными сумками за скулами, который полагает, по видимому, будто весь мир создан для того

только, чтобы было откуда таскать запас и припас в свою норку, и, наконец, *бобр-строитель*, который на все мастер, все умеет сделать, что нужно в доме, и хоть из грязи, да слепит хатку и живет по-своему хорошо. Вот эти пять животных – вот какой сложный зверь вышел бы у меня из Якова Торцеголового; а чей хвост, чья голова, чьи руки и ноги у него – разбирайте сами!

Он попал в денщики по малому росту и сутулости,, был сверх того левша, любил на ходу глядеть в землю, махать руками, переваливаться и распускать около себя одежду повольнее. Из карманов шаровар его и казачьего кафтанчика всегда почти висели концы ниток и бечевок, а на дне кармана лежали пробки, мелок, рожок или тавлинка, горсть гороха и другие подручные принадлежности; а когда полк стоял в южной России, то во всех карманах у Якова, не исключая и жилеточных, были рассыпаны для обиходного лакомства арбузные семечки.

Иногда какое-нибудь стеклышко, отбитая от чашки ручка, обломок сургуча или найденная где-нибудь петелька, гвоздь, крючок, по-

пав в карман Якова, держались там очень долго, по нескольку месяцев шарит, бывало, по карманам за чем-нибудь, попадетя в руки мелок, пробка или гвоздь – он поглядит на него, иногда еще попробует на зуб, не серебро ли, и положит опять на место. Перебирая от нечего делать редкости эти, Яков припоминал, где и как они найдены или дозапись ему, по какому случаю попали в карман, и тешился таким образом живыми воспоминаниями своих походов. В этом скопидомстве вы, конечно, узнаете хомяка.

Как тесного, так и короткого платья Яков не мог терпеть и говаривал, что он был этим испуган в малолетстве. Когда барин хотел было ему однажды сшить из старого мундира куртку, то Яков разревелся как верблюд, уверяя в отчаянии, что после этого нельзя больше жить на свете. Он любил, чтобы все около него было и просторно и прикрыто, и потому предпочитал всякой иной одежде темно-зеленый казакин со сборками; но только не в обтяжку. Один из карманов или лацкан этого облачения были обыкновенно надорваны, обшлага с исподу вытерты *на нет*, до самой ки-

сти, на лацкане же, на ребро в шов, затыкались торчмя про всякий случай булавки, а сбоку претолстая игла, укутанная ниткой в виде цифры восемь. Жилетка обыкновенно пользовалась преимуществом красной выпушки; фуражка с козырьком – обносок барина – и сапоги своей работы довершали наряд.

На сапоги свои Яков любил иногда глядеть безотчетно и засматривался на них по целым часам, особенно когда они были недавно вычинены им и вымазаны салом. Тогда Яков охорашивался, сидя где-нибудь в углу, повертывал перед собою ногу и старался заглянуть под подошву, чтобы полюбоваться новыми подметками. Он мурлыкал в такое время про себя:

"Растоскуйся ты, моя голубушка!" или на-свистывал сквозь зубы другую заунывную песню.

Яков служивал на веку своем у всяких господ, как уверял он, и служил верой и правдой. Первый барин его был немножко беспокойного нрава, любил повеселиться – но был очень скучен навеселе и крутенок. Угодить на него было мудрено; но Торцеголовый, благо-

даря бога, ладил и с ним; плакался Яков на него, это правда, но плакался, как жалуются по привычке на весь божий свет, а не то чтобы взаправду, как жалуются на беду неминуемую, известную, общую: на господ-де, известное дело, не угодишь; господской работы не переработает; работа наша, хоть день и ночь прибирай, не видная, – ровно все ничего не делаешь, а к вечеру поясицу разломит и прочее, а затем в утешение себе же он приговаривал: "Что ж, известно, на то они господа". С этим-то барином, человеком по чину очень небольшим, Яков ехал однажды на перекладных; скакали сломя голову день и ночь в погоню за самонужнейшим делом. Может статья, время было холодное, или бессонье одолело путника, или, наконец, его растрясло невмочь, – но только он по привычке своей подкрепился раз, а там и другой и третий – да так крепко, что слег вовсе. У нас принимают вообще три степени этого отвлеченного состояния: с *воздержанием*, с *расстановкою* и с *расположением*; при первой степени одержимый может еще пройти подле стенки, придерживаясь за нее; при второй, с расстанов-

кою, может идти, если двое поведут его под руки, а третий будет расставлять ноги; при последней же степени, с расположением, одержимый располагается где случится, где припадок захватит его врасплох, и, растянувшись во весь рост, лежит бесчувственно, так что никакие силы не могут более воздвигнуть его на ноги. Этой-то третьей степени самозабвения достиг барин Якова на одной из станций – но помнил еще одно обстоятельство: что ему надо ехать, надо торопиться, погонять и драться. Барин Якова не был, собственно, дантистом, как классически выразился Гоголь, но подчас все-таки считал приятным долгом заняться по сей служебной части.

Между тем на станцию входит какой-то проезжий и видит следующее: на диване лежит, растянувшись во весь рост и закрыв глаза, человек довольно длинный и стройный; подле сидит на стуле другой в темно-зеленом казакине, из кармана коего торчит коротенькая трубка и висит какой-то ремешок; этот человек звенит почтовым колокольчиком над головою сонного, который по временам, в светлые минуты, тщетно силится раскрыть

глаза, замахнуться кулаком и заставляет непослушный, суконный язык свой прокричать грозное: "Пошел!" – и снова замахивается кулаком. Проезжий остановился пред этой занимательной живой картиной, спросил вполголоса: "Что это такое?" – и Яков" продолжая звенеть, отвечал со вздохом: "Да вот, сударь, другие сутки едак едем: как перестанешь звенеть, так дерется; пошел, говорит, да вошел; спросит водки – да опять пошел; вот и едем".

Долго ля, коротко ли Яков с барином ехали таким образом и далеко ли уехали – не знаю; но этот способ езды, столь докучливый для Якова, оказался также вредным для барина его, который, пустившись в бесконечные поездки в путешествия этого рода, вскоре волею божиею помре. Когда несчастье это совершилось, то бедный Яков Торцеголовый в отчаянии ударил руками об полы и залился слезами. Он пересчитывал и припоминал все дурные свойства и качеств" покойного, оканчивая, однако же, каждый раз припевом: "Да все-таки барин добрый был! Бывало, сердечный, жалованьишко прогуляет, есть нечего

до трети: "Нет ли, брат Яков, каши?" – "Да каши, сударь, нет – крупы-то ведь немного отпускается, сами знаете". – "Ну, говорит, так хлеба ломоть отрежь, жалованного, казенного". Добрый барин был! Конечно, что правда, то правда, как подгуляет, бывало, так больно дерется." Ну, на то они господа; а все барин был добрый!"

Чувствительность и добродушие русского человека при подобных случаях заслуживают всякого уважения. Например: везут знамени-того, сановного покойника; бабы, выскочившие толпой, с любопытством смотрят на поезд и готовы, пожалуй, и заплакать, смотря по тому, кто как сумеет направить их участие. "Да это кто же?" – спрашивает одна. "Это покойник, тот и тот, известный на всю Россию человек". – "Ох, он батюшка мой родной, сердечный... А это что же вон едет за ним?.." – "Это называется печальная колесница. это карета покойного..." – "Ох, она моя матушка, голубушка..." – и баба, забыв от избытка участия покойника, готова горько плакать над каретой!

Яков побежал объявить о смерти барина

своего адъютанту и сказал ему предлинную чувствительную речь, которой смысл – по отрывистому расположению дум Якова – трудно выразить, но в коей несколько раз повторялось: "Власть господня, все мы под богом ходим, покуда грехам нашим терпит – а у меня, сударь, известное дело, теперь родных больше нет, кроме вас, больше заступиться за меня некому".

Адъютанта этого Яков причел в родни, потому что тот более других знался с барином его и часто дружески его журил, стараясь убедить, что из него мог бы выйти очень порядочный человек, если б он не обращался слишком часто в скотину. Тогда, бывало, и Яков, простояв во все время такой речи у дверей и переступая спокойно с ноги на ногу, принимал слово по уходе адъютанта и читал барину наставления вроде следующих:

"Ну что, сударь, бросьте, ей-богу бросьте, они правду говорят. От этого что хорошего будет – ничего не будет; вот намеренны вы изволили заснуть в передней на лавке – а тут впотьмах вас завалили было шинелями; что доброго, так бы и задохнулись; ведь я насилу

вас вытащил; право, сударь, ведь целый ворох шинелей накидали на вас, а уж вы без памяти изволили быть; или вот хоть на той неделе, как изволили с господами гулять, да кучер Ивана Марковича свалил вас в одни пошевни, развозил вас по домам; подъехал к фатере вашей и кричит: "Яков, а Яков, поди возьми своего барина", говорит. Я вышел, а вы еще изволите упираться, а там и драться. "Не тронь, говорите, не подымай меня, не твое дело". Ну чье же, сударь, дело, коли не мое? Известно уже, коли я не присмотрю за вами, так кто же приглядит? Нехорошо, сударь, воля ваша, что этак-то хорошего будет? Ничего не будет!"

Когда, по внезапной смерти барина, пришли описывать и опечатывать имение его, то Яков из усердия к покойному заступился за так называемое имение это и не хотел допустить никого; за это попал он под караул и чуть не было еще хуже. Что он думал в это время, как мог отстаивать мундир и панталоны покойного барина силой, — этого не мог он объяснить толком никогда; но отговаривался и оправдывался впоследствии тем только,

что, "известно-де, за покойника заступиться некому; как же мне не беречь господского добра?".

Относительно прав собственности у Якова Торцеголового были вообще особенные понятия, кои требуют некоторого пояснения. Нельзя сказать, чтобы он действовал всегда на правах волка, – но давно сказано: гони природу в дверь, она влетит в окно. Он, во-первых, дошел своим умом до основных понятий философии Канта, с тем только различием, что употреблял при всеобщем разделении вселенной множественное число вместо единственного; весь мир распадался для него на две половины: на *мы* и *не мы*. *Мы* – это были для него сам он с барином своим и со всеми пожитками: *не мы* – это были все прочие господа, весь видимый мир. В более обширном смысле *мы* означало также свою роту, батальон или даже полк, а в самом пространном значении *мы* принималось в смысле: вся армия, все военные, и тогда *мы* и *не мы* было то же, что приятель и неприятель.

Затем обязанности Якова как человека, христианина и служивого были в глазах его

тем священнее и ненарушимее, чем теснее можно было применить к вопросному случаю понятие *мы*; но он потакал сам себе тем более в произвольном применении этой истины,, чем шире становилось философское понятие, не признавая за собой уже почти никаких обязанностей за пределами этого основного понятия; тут Яков обращался в волка с ног до головы; тут он вступал уже, как полагал по всем правам, в неприятельскую землю и понимал своим умом буквально и очень ясно изречение: "Бей и маленького: вырастет неприятель будет!"

Вор – слово постыдное в глазах Якова; вор был у него тот, кто готов был обокрасть барина своего или собрата, сотоварища, кто ворует у той половины вселенной, которую Яков называл *мы* и *наше*. Яков плюнет на такого человека и отойдет. Но если б вы сказали ему, что и сам он вор, потому что в хозяйстве его находится некупленный ухват, взятая где-то мимоходом сковородка, сапоги, стоящие рубля четыре и купленные по известным причинам за двугривенный, – то Яков выпучил бы на вас глаза и с чистейшею совестью, покачав

головой, сослался бы на барина своего и на весь полк: они-де знают его, Якова, как человека, которого можно осыпать золотом, и он ничего не тронет. Затем он, смотря по обстоятельствам, или разбранил бы клеветника своего в глаза, или сказал бы: "Бог с ним" обидеть, известно, можно всякого человека, хоть кого угодно – бог с ним".

Из беды и напасти, то есть из острога, после заступничества за имущество покойного барина Якова выручил другой барин, который взял его в денщики. Яков обещал и тому служить верой и правдой и сдержал по-своему слово. Он, может быть, от избытка усердия попадал иногда впросак, но не смущался этим, зная раз навсегда, что на господ не угодишь. Однажды он вычистил золоченые пуговицы кирпичом; он положил в другой раз четверть фунта корицы в суп, полагая утешить барина французским столом; он по ошибке заправил щи вместо уксуса ваксой, – видно" бутылочки обе стояли рядом; он положил плохо завязанный узелок с толченою солью в барский чемодан и пересолил белье и платье насквозь; он на светло-серую шинель

барина своего положил заплату оливкового цвета, пристегав ее белыми витками; он держал от избытка усердия седой волос из бобрового воротника; он выскреб для опрятности стол красного дерева косарем, потому что у первого барина его не было такого домашнего обзаведения, а был" стол и лавки простые, какие в деревне случались. Становился ли он умнее после каждой из подобных проделок – этого не знаю; но он видел только в неудовольствии барина каждый раз новое подтверждение важнейшей статьи" из опытной премудрости своей – что-де, известное дело, на господ не угодишь; но не сердился нисколько, когда его бранивали за подобные проделки, потому что и это-де известное дело, без того нельзя, чтобы не побранили, на то они господа.

Бывало, Яков собирается писать домой письмо; тогда он ходит несколько дней призадумавшись, забывает дело и отвечает невпопад. Например: "Яков! – молчок. "Яков!" – Сейчас, сударь". – "Яков, что ты не идешь, когда я зову?" – "Да там нельзя было бросить и отойти." – Что же ты делал?" – "Собирался бы-

ло руки помыть..." Письмо крепко озабочивало Якова, и хотя это случалось никак не более одного или двух раз в год, но зато он в это время жил душою дома. где не бывал уже лет около двадцати. Письма этого рода пишутся, как известно, отъявленными писаками, на заказ, и разделяются по цене на два или три разряда, смотря по тому, *полные* ли или *не полные* посылаются поклоны; Яков не противоречил, однако же, и тому, когда один заказной плут из писарей взял с него лишнюю гривну за то, что полк перешел далее и что письмо Якова теперь далеко пойдет.

Полные или не полные поклоны, смотря по количеству финансов Якова, – если он не решался упросить кого-нибудь написать письмо в долг, – составляло вообще самое существенное различие этих писем, в которых, однако же, всегда говорилось несколько слов о барине. Человек двадцать родных было еще у Якова – русский человек без них не живет, – и он отписывал каждому порознь и поименно милостивого государя или государыню, любезного, возлюбленного, вселюбезнейшего – а затем нижайший, глубочайший, усерд-

ный. преусердный или другого разбора поклон; называл себя *мы*, сестру или брата *вы*, испрашивая у родителей, дядей, теток и прочих, у каждого порознь, их родительского или родственного благословения, навеки нерушимого, прибавляя: "А о себе скажу, что *мы*, благодаря бога, живы и здоровы обретаемся, чего и вам желаем, я вседневно и всечасно у создателя в горячих молитвах испрашиваем", я заканчивал обычным и приличным оборотом: *уважаемый вами* – такой-то. Он иногда вставлял еще где-нибудь известия о здоровье или нездоровье своего барина, говорил, что *мы-де* с барином собираемся жениться и прочее.

Разговорный язык Якова также отличался галантерейностью своею я часто смешил людей. Он поздравляя барина и других офицеров с собственными своими именинами: "Ваше благородие, имею честь проздравить, я именинник"; он говорил из вежливости: "Я изволил вам докладывать, или вы изволили мне доложить", разделяя весь видимый мир по теории Канта на *мы* и не *мы* – на приятелей и неприятеле", – он об редком человеке относился с равнодушием или даже со спокой-

ствием и большею частью горячо вступался за людей или бранил их без пощады. Кто хорош, тот был для него золотой и хорош без меры; а кто досадит, тот уже никуда не годился от козырька до закаблучьев. Замечательны были в сих и подобных случаях доводы и причины Якова, коими он оправдывался пред баринном своим или посторонними людьми. Например: Якову досталось однажды съездить куда-то на лошади соседнего помещика Губанова; лошадь не показалась Якову или пристала, что ли, дорогой, – и с этого времени он придумал для брана поговорку:

"А чтоб тебя с Губановым на пристяжку пустить!" Когда нашлись люди, которые заметили Якову, что нехорошо браниться так и некстати, то он отвечал:

"Помилуйте, сударь, что тут не браниться, я, власть ваша, никого не займаю, – а только после этого уж и на свете жить нельзя". "Не ходи ты, Яков, с бреднем по этому озеру – сколько раз тебе это добрые люди говорили, ты плавать не умеешь, а тут омут на омуте!" – "Ничего, сударь, – отвечал Яков, – что же делать, власть господня, вот и наемни в Гра-

чевке мальчик эдак же утонул..." А затем, в тот же день вечером, опять-таки отправился с бредником на озеро.

Замечательное и преполезное для барина его свойство Якова заключалось еще в том, что он был везде дома, куда бы ни пришел. "Здравствуйте, хозяйка; здорово, хозяин", – и затем он, перекрестившись, протягивал руку за ухватом и кочергой, очищал, где следовало, место себе и барину, знал по навыку, где найти чулан, каморку, клеть и чего и где там искать, как задобрить или застращать хозяйку, чем угодить хозяину, – и, между прочим, знал также такое слово, от которого дружился с каждой собакой, как только шагнет на двор. "Отчего на тебя, Яков, и собаки не лают?" – спрашивали у него, бывало, и он отвечал, смотря по расположению своему: "Они мне все свои-, я всех их знаю"; или: "А что ей лаять – не видала, что ли, она человека?" Он всегда давал собаке кличку по шерсти, с первой встречи, спорил *e* хозяином, если тот уверял, что это не серко, а куцый; и куцый, по-видимому, соглашался с этим и охотно бежал на зов нового приятеля.

Известно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу выражения от нашего: мужик редко знает месяцы и числа, но знает хорошо посты, заговенья, сочельники, все праздники, святых и, избирая более замечательные в быту его сроки, обозначает их сими названиями. У Якова был свой календарь, довольно понятный в его кругу: время назначения новых капралов, фельдфебелей, ротных, батальонных, полковых, бригадных и, наконец, корпусных командиров; смотры, постройка или пригонка амуниции, лагерь, ученье, перемена стоянки, марши, походы, дневки, привалы – и, наконец, замечательные события в роте, в батальоне, в полку: такой-то арестант бежал; такой-то солдат сломал приклад ружья, потерял штык; тому или другому дана награда, такой-то произведен чином, такой-то умер, переведен, вновь определен и прочее. Вот эпохи, по коим Яков определяет прошедшее; для настоящего ему не нужно было календаря, потому что оно пролетало мимо его, как мимо всех нас; а для будущего – потому что он все будущее представлял богу и говорил только: "Даст бог, бу-

дет то и то – авось вот дождемся", – и знал, кроме того, четыре времени года, как все пять пальцев. Ведро и ненастье, тепло и стужу измерял и определял он также по-своему: я дворе холодно, хоть ружье в избу поставь, так разве чуть только отпотеет; на дворе мороз, лошади на конюшне всю ночь протопали; видно, сыро, барабан чуть слышно; жара такая, что за козырек рукой нельзя взяться; такой дождь, что ломоть хлеба из пекарни под полой сухим не донесешь домой, и прочее. Честен был Яков по-своему, о чем мы уже говорили; честен и неподкупен для себя, для своего барина, роты, батальона, полка, но чем дальше и шире расходился этот круг, тем жиже становилась честность нашего Якова, и на самых пределах перехода видимого мира из *мы* в *не мы* она была до того мутна, что терялась вдали, как серый туман, без лица, без цвета и без образа. Чтобы употребить другое, может быть более удачное, подобие, скажем, что честность его расходилась от него во все стороны клином и оканчивалась в известном или неизвестном расстоянии, будучи снята *на нет*.

Таков был Яков, и таковы будут все Яковы наши, по крайней мере большинство их. Мастер и доточник, или источник, да всякую домашнюю потребу, он чинил сапоги, латал, как мы видели выше, платье, строгал, заклепывал, долбил, клеил и ладил все, что было нужно в походном хозяйстве. Как комнатный, кравчий и постельничий он ставил чайник, варил кофе, набивал трубки, бегал за вином рысью и откупоривал бутылки, стлал солому, покрывал ее простыней или рядом и клал в голову подушку, а в ноги халат и про запас еще шинель, чтобы одеться; как конюший или ясельничий стремянный и кучер он ходил за лошадью, когда она была у барана, седлая ее выбракованным гусарским седлишком или закладывая в пошевни; как приспешник готовил он де четырех блюд: щи, кашу, пирог и битки. Верблюдом был он на походе. всегда, запустив шаровары в сапоги и навьючившись разным скарбом, месил грязь мерною поступью: волком – как и где случалось: в нужде, за недосугом купить или выпросить то, что ему было нужно; верным псом был он всегда, и вся забота его, все назначение состо-

яли в том, чтобы хранить и оберегать, по крайнему разумению, господское добро; хомяком был он на зимних квартирах, на стоянках, когда несколько месяцев постою на месте казались ему веком, и он обзаводился в то время всякою дрянью., будто век с ней жить, для того только, чтобы после долгих вздохов и соболезнования кинуть все это, когда приходилось выступить в поход; наконец, бобром-строителем Яков делался, если не на каждом привале, то по крайней мере на каждом ночлеге; вилы, два шеста или хворостина, рядно да охапка соломы – и дворец готов, извольте, ваше благородие, перебираться!

Комментарии

Впервые – "Финский вестник", 1845, том 2, за подписью: В. Луганский.

Стр. 239. Гранвиль (Жерар) Жан Изидор (1803 – 1847) – французский график-карикатурист и иллюстратор. Широкой популярностью пользовались его карикатуры "Современные метаморфозы" (1828), изображающие людей в виде животных.

Стр. 242. ...как классически выразился Гоголь... – Имеется 8 видов характеристика фельдъегеря в "Мертвых душах" (том 1, гл. X).

...есть нечего до трети... – Жалованье офицерам, как и государственным чиновникам, выдавалось по третям года, за каждые четыре месяца.